

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Ю.И. ПИЛИПЕНКО, д.э.н., доцент,
А.Н. ПИЛИПЕНКО, к.э.н., доцент,
ГВУЗ «Национальный горный университет»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Исследуются проблемы, с которыми связаны процессы социализации индивида, передачи и воспроизведения знаний в обществе. Поскольку именно образование создает особую ментальность, задает вектор интеллектуального прогресса, обеспечивая тем самым подготовку индивидов к восприятию новой реальности, то актуализируется необходимость достижения определенного единства ценностных ориентиров индивидов за счет задействования механизмов социального принуждения.

Ключевые слова: индивид, институциональная трансформация, социализация, ценности, образование и воспитание.

Сегодня, как и более двух десятилетий с момента получения независимости, Украина стремится создать необходимые условия для либерального развития своей экономики и апробирует на практике тот положительный опыт функционирования институтов, которые продемонстрировали развитые страны. Годы реформ, которые по большей части оказались неэффективными, показали, что главной проблемой либеральной модернизации отечественной экономики стало несоответствие новых институтов тем глубинным устремлениям людей, которые являются основой менталитета. Последний является наиболее консервативным элементом неформальных правил и, как следствие, позволяет реформировать экономику только тогда, «когда новые представления овладеют умами большинства индивидов или станут преобладать в доминирующей социальной группе» [1, с.199]. Оказалось, что социальные трансформации напрямую зависят от способности людей перерабатывать, передавать и усваивать новую информацию. А это заставляет теоретиков-экономистов при анализе альтернатив эволюции институциональной среды выйти за предметные рамки экономического анализа и сосредоточить внимание на исследовании проблем социализации индивида и формирования его внутренней готовности

принять новые нормы и правила поведения.

Заметим, что проблемы усвоения информации и получения знаний не входили в предметное поле исследования доминирующего в экономической науке неоклассического подхода: информация, сосредоточенная в ценах и передаваемая рынком, считалась полной и доступной для индивида. Впервые это положение было оспорено Ф. Хайеком и развито такими представителями неавстрийской школы, как Л. Лахманн, М. Ротбарт, Дж. Шеклл [2; 3; 4; 5]. В последующем в работах теоретиков французской школы регуляции механизмы распространения информации были связаны с эффективностью координации экономических систем [6]. И, наконец, определенные аспекты этой проблемы были затронуты Д. Нормом при исследовании институциональных изменений общества [7].

Эти идеи поставили под сомнение реалистичность как неоклассической модели рационального индивида, так и модели человека социологического, интересы которого социально детерминированы и определены обществом в процессе социализации. Немаловажным было и то, что во многом благодаря этим исследованиям экономическая теория более глубоко стала изучать особенности функционирования различных социально-экономических систем и их эволюцию. Однако, при всей важности данных открытий, ряд вопросов все еще не получил должной разработки. Прежде всего, это наличие весьма упрощенных представлений о связи процессов усвоения и переработки информации с ценностными установками индивида и его социализацией, а также отсутствие целостной теории, которая бы поставила скорость институциональных изменений в зависимость от когнитивных процессов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы опираясь на анализ работ представителей экономической и социологической теории, вы-

© Ю.И. Пилипенко, А.Н. Пилипенко, 2012

.....
<http://www.donntu.edu.ua> / «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/

явить противоречия процесса социализации индивида и показать их связь с инерцией институциональной трансформации общества.

Утверждение о влиянии социума на формирование личности не отрицается ни одним течением экономической и социальной науки. Однако, по поводу того, в какой степени воспитание и образование социализируют индивида, существуют достаточно весомые разногласия. Понятие социализации впервые было сформировано в социологических исследованиях Э. Росса, который в 1896 г. использовал данный термин в своей статье «Социальный контроль». Исследуя механизмы, с помощью которых общество решает проблему «формирование таких чувств и желаний индивида, отвечающих потребностям социальной группы», ученый приходит к выводу, что это должны быть социальный контроль и социализация [8, с.11].

В дальнейших исследованиях социализация начинает определяться как процесс, в ходе которого социальные нормы и ценности приобретают качество внутренней побудительной силы. Так, например, Т. Парсонс характеризует социализацию как «процесс приобретения индивидами диспозиций, необходимых для выполнения установленных обществом ролей. В свою очередь, роли определяются нормами, связанными с институционализированными ценностями» [9, с.208]. Ученый подчеркивает, что для детей, которые рождаются в обществе, характерен достаточно длительный период биологической зрелости и полное отсутствие готовых схем поведения, связанных с социальными статусами. Поэтому важнейшей функциональной проблемой взаимодействия личности и социальной системы является организация процесса социального обучения в течение всей жизни индивида, в ходе которого усваиваются ценности культуры и социальные роли, а также происходит поддержание мотивации личности к участию в социально значимых и подконтрольных формах социального поведения [10, с.104]. Таким образом, в социологии утверждается особая важность в социализации индивида образования и воспитания. Как же смотрят на эти процессы экономисты?

Неоклассическая теория рассматривает феномен образования, опираясь на эмпирическую концепцию знания. Обучение в ней представляется как простое приобретение и накопление информации из внешнего мира, в результате чего все чувственные данные воспри-

нимаются и с легкостью трансформируются в полезное знание. Оно принимает форму несомненных фактов или полной достоверности.

Первыми данный тезис подвергли сомнению Л. Мизес и Ф. Хайек, утверждая, что сам факт доступа информации еще не означает ее одинакового восприятия агентами. Люди обладают различными когнитивными способностями, что приводит к разным интерпретациям одних и тех же явлений. Как с отмечает Ю. Осипов, «Сознание – искусный аналитик и создатель, но – это еще и искусный имитатор» [11, с.72].

Действительно, чувственные данные включают в себя множество слуховых, визуальных и других сигналов, поступающих из окружающего мира. Однако эти сигналы не воспринимаются сознанием в обрамлении понятий и значений. Чтобы получить информацию, необходимо, чтобы неупорядоченная мозаика сигналов, полученных нервными клетками, наложились на существующую концептуальную структуру и вызвала появление явных или неявных предположений, категорий или теорий. При этом следует иметь в виду, что наделение объектов определенными значениями не является автоматическим действием: чувственные данные, как и общепризнанные факты, не говорят сами за себя. Только процесс познания должен обеспечить им форму, имеющую значение для индивида и несущую в себе определенное информационное содержание [12, с. 48].

В свою очередь, предоставление значений внешне хаотичной массе данных требует использования приобретенных понятий, символов, правил, знаков. И в этом отношении мы не можем игнорировать влияние институциональной среды. Когнитивный процесс – это распределение данных по категориям и этому, в принципе, мы можем научиться. Через обучение мы получаем навыки познания и формируем структурные рамки восприятия действительности. Однако, в действительности не все происходит так просто.

Обучение предполагает непрерывное воспроизведение и превращение знания, включая изменение отношений между агентом и внешней средой, а также структурирование познания и отбора информации. В ходе этого процесса информация интерпретируется таким образом, чтобы стать совместимой с ранее установленными понятиями и теориями. Психология познания доказала, что индивидам присуща познавательная активность, возника-

ющая из их стремления обеспечить согласованность теоретических знаний и практических характеристик объекта. Существование конфликтующих познавательных элементов приводит к дискомфорту и люди стремятся его уменьшить путем выборочного восприятия информации и исключения противоречий. Именно вследствие существования познавательного диссонанса индивиды достаточно часто игнорируют информацию, которая противоречит их взглядам. Таким образом, мы должны учитывать факт фильтрации индивидуальным сознанием информации, а также наличие ее индивидуальной интерпретации (толкования). Познавая мир, человек часто его упрощает, искажает и даже создает новую реальность.

На это обстоятельство обращали внимание и представители институциональной теории, однако, только в отношении критики неоклассического принципа полной рациональности. Все же тот факт, что институционализм не распространял идеи сложности получения информации на более широкую сферу исследования человеческого поведения, не снижает значимости полученных в институциональной теории результатов, и, особенно, открытия органической иррациональности [13, с.115]. Последняя является систематизацией вариантов отклонения от рациональности вследствие существования присущих определенному субъекту личностных качеств, связанных с его познавательными возможностями, а также с его психофизическими особенностями. Эти особенности приводят к тому, что индивид воспринимает реальность и ее отдельные фрагменты под определенным ракурсом, в той или иной фокусировке, с теми или иными искажениями. Индивидуальная «оптика» и индивидуальная оценка реальности могут относиться и к восприятию предметного поля выбора решений, и к их сравнению, и к формированию индивидуальных предпочтений, в основе которых находятся ценности.

Таким образом, эти особенности индивидуального восприятия действительности должны быть учтены в экономических исследованиях, равно, как и достижения, полученные в области психобиологии. По нашему глубокому убеждению, именно игнорирование наличия и влияния на индивидуальное поведение биологической и генетической преемственности, которая присуща человеку, существенно отклоняет теоретические построения экономистов от реальности. Обычно подчер-

кивается два аспекта этой преемственности. Один аспект включает широкий потенциал и общую склонность к поведению определенного рода, которые не зависят от социального окружения. Они влияют на шаблоны поведения, которые возникают как реакция на социальное окружение, в том числе на доминирующие социальные институты. Другой – проявляется в наличии различных индивидуальных способностей человека. А это накладывает достаточно серьезные ограничения на возможности социальной инженерии.

Обучение и социализация помогают с раннего детства развить наши способности к восприятию, сформировать концептуальные основы понимания и взаимодействия со сложным и изменчивым миром. Для социализированного взрослого человека большинство понятий и структур восприятия выражается в терминах социального языка. По этой причине когнитивные способности, развитие и обучение являются социальными феноменами и, благодаря этому, имеют свои культурные особенности. Полученная человеком понятийная структура отражает культуру, а также наследуемые социальные нормы и правила.

Соглашаясь в целом с тем, что приобретение знаний о мире является не только индивидуальным, но и социальным актом, мы не можем не обратить внимание на существование неадекватного восприятия социальных норм даже социализированным человеком. В. Степин в иерархии смыслов, характеризующих категориальные структуры сознания, выделяет общий и особый уровни. Первый отражает те определения бытия, которые являются инвариантными по отношению к различным конкретным историческим эпохам, а второй – отвечает специфике группового и индивидуального сознания. Существование этих двух уровней категориальных структур сознания приводит к тому, что ценности определенной культуры могут допускать достаточно широкий спектр конкретизации, дополняться ценностями противоположных по интересам групп и при этом не терять своих основных смыслов. Одновременно, они могут получать и индивидуальную интерпретацию, специфическим образом преломляться в сознании каждого индивида.

«Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свое собственное содержание в соответствии с накопленным опытом, – утверждает В. Степин. В результате в их сознании картина человеческого мира получает личностную окраску, выступает как индивидуаль-

ное мировоззрение, и, соответственно, формирует индивидуальные ценности. С данных позиций можно говорить о существовании огромного количества модификаций, присущих каждой доминирующей культуре в системе мировоззренческих установок. О чем это говорит? А это дает ответ на вопрос о восприятии правил. Базисные убеждения и представления могут сочетаться, и часто противоречивым образом, с исключительно личностными ориентациями и ценностями» [14, с.202].

Итак, индивиды в силу биологической и генетической преемственности, психологических особенностей, наличия определенных уровней категориальных структур сознания, а также различных когнитивных способностей не воспринимают общественные ценности одинаково. Вместе с тем, далеко не все из этих ценностей получают внутреннее одобрение и признание отдельными индивидами. В силу этого все теоретические модели, которые допускают, что индивиды реагируют на одну и ту же информацию одинаково, одинаково усваивают ценности и, на их основе, одинаково действуют, вплетаясь в социальную ткань институтов, могут быть признаны слишком далеки от реальности. Нельзя игнорировать психологическое и культурное «сито», через которое «просеивается» и интерпретируется информация [12, с.50]. В большинстве случаев успешное обучение действительно приводит к формированию привычек, которые закрепляют модели познания и поведения, выводя их из сферы сознательного обдумывания и способствуя, тем самым, формированию институтов. Однако мы не можем утверждать, что этот процесс характерен для всех индивидов.

Поскольку общество не является онтологической целостностью, а состоит из действий, взаимосвязей отдельных субъектов, то в нем всегда существует определенный диссонанс между индивидуальными и общественными ценностями, который проявляется в несоответствии друг другу уровней и характеристик индивидуальных сознаний, а также несоответствии последних сознанию общественному. Это обстоятельство указывает на существование различной степени интегрированности как индивидуального сознания в общественное сознание, так и наоборот.

В силу этого в каждом обществе устанавливается и разная степень отторжения или принятия вводимых социальных норм, а любые преобразования существующих институтов наталкиваются на малоподвижную струк-

туру социального сознания, которую очень сложно изменить. По утверждению И. Агаповой, «... сопротивление новым институтам связано с так называемой институциональной матрицей, которая включает и формальные, и неформальные правила, а также ценности и представления, которые пронизывают мировосприятие человека, унаследованное от предыдущих поколений. Не случайно кардинальные изменения институциональной среды предусматривают изменения самого человека, когда его рассматривать как носителя определенной системы ценностей... В свою очередь, фактор социальной инерции, выраженный консервативностью институтов, позволяет успешно осуществлять изменения в обществе только тогда, когда новые представления овладеют разумом большинства индивидов и станут преобладать в господствующей социальной группе» [1, с.198-199]. Следовательно, для осуществления эффективных преобразований, направленных на формирование тех или иных институтов, необходима целенаправленная работа с ценностями, с формированием таких образовательных и воспитательных систем, которые позволили бы сформировать новые черты сознания человека.

Образование как процесс и результат усвоения системы знаний, формирования умений и навыков, которые обеспечивают определенный уровень развития познавательных потребностей и способностей человека, его готовность к соответствующему виду практической деятельности, фактически является ведущим механизмом социализации индивида и, одновременно, одним из главных факторов прогресса общества в целом. Если рассматривать в конкретно-историческом аспекте состояние общества, то характер и уровень его развития напрямую предопределяется содержанием и степенью накопленных знаний, приобретенных трудовых навыков и степенью их реализации. Без развития знаний и способностей индивида и общества невозможен любой прогресс, поскольку он выступает следствием развития индивидуальных и общественных знаний и способностей. Поскольку знание предшествует умению, а умение – его практическому применению, постольку социально-экономический прогресс всегда начинается в сфере творческого труда, затем распространяется на сферу репродуктивного труда, материализуется в процессе производства.

В свою очередь развитие трудовых способностей человека как его главной творче-

ской силы представляет собой общественный процесс, он имеет свою собственную внутреннюю логику и определяется не только потребностями человека, внешней необходимостью, стремлением его к социально-экономическому возвышению, но и системой сложившихся общественных ценностей, которая может как стимулировать, так и сдерживать развитие и применение способностей. Поэтому прогрессивное общество пытается создать максимально благоприятные условия для развития и применения способностей, так как от этого в решающей степени зависит его историческая перспектива.

Однако наличие таких условий само по себе еще не решает задачу формирования полностью социализированной личности. Необходимой и общей формой развития индивида, механизмом его гармоничного включения в существующие социокультурные ценности, является соответствующая система воспитания. Последняя направлена не только на личное развитие человека, его творческих потенций, умений самостоятельно мыслить, обновлять и расширять свои знания, но и на подготовку индивида как субъекта общественных отношений, формирование у него способности и готовности участвовать в социально-необходимой деятельности. В этом двуедином процессе реальная возможность развития человека как личности обеспечивается всей совокупностью материальных и духовных ресурсов общества.

Однако не следует забывать, что воспитательное воздействие на человека содержит в себе не только позитивную направленность, но и конфликты и противоречия, поскольку личность может не только формироваться под влиянием социальной среды, но и деформироваться, или, наоборот, закалиться в борьбе с трудностями, саморазвиваться. Именно через процесс воспитания и самовоспитания индивид признает общественные нормы поведения и взаимодействия как легитимные и, одновременно, ощущает себя личностью, что, собственно, и определяет его социализацию. Благодаря социализации у субъектов формируются, во-первых, механизм внутреннего самоконтроля и, во-вторых, общая идентификация с другими людьми при четко выраженной дифференциации относительно других лиц. Идентификация-дифференциация, как аспекты принадлежности к определенной культуре, определяют позиции доверия и недоверия между людьми, симпатии и эмпатии, необходимость

соблюдения тех или иных нормативных образцов поведения.

Процессуально данное явление представляет собой психологическую саморегуляцию субъекта, происходящую под непосредственным влиянием внешнего регулятивного фактора, принимающего форму социального окружения. Иными словами, любой человек в процессе своей жизнедеятельности формирует определенные социальные связи и вступает в отношения с другими людьми. При этом он разрабатывает свою долгосрочную жизненную стратегию согласно социальным нормам общества, с которым себя идентифицировал. А это свидетельствует о том, что мотивом к деятельности могут быть ценности и нормы, которые человек усвоил и принял как член соответствующей социальной группы.

Данные мотивы способствуют интеграции индивидуальной деятельности в политическую систему, ведь большинство людей включается в политический процесс, проявляют активность в общественных делах, исходя из собственной идентичности. Действуя вместе с теми, кто разделяет их идеологию, люди чувствуют сплоченность, которой не бывает вне групповой деятельности. Идеологии порождают личностно-политический комплекс идентичности, общности и политической деятельности именно в силу своего нравственного содержания.

«Необходимого поведения можно достичь, не прибегая, скажем, к насилию, а путем создания внутренней потребности в данном способе действий, введя его в круг ценностей индивида...», – утверждает Д. Норт [15, с. 130]. Он подчеркивает, что эту задачу наряду с образованием и воспитанием должна выполнять идеология, «фундаментальная задача которой – зарядить массы энергией, чтобы они начали вести себя, отрицая простой, гедонистический, индивидуалистский подсчет расходов и выгод... без такого поведения невозможно ни удержать существующий порядок, ни разрушить его» [15, с. 132].

По сути, идеология представляет собой совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность [16, с. 157]. Она является частью общественного сознания и проявляет себя в различных формах – философии, религии, морали. В сфере идеологии происходит структурирование мироощущения человека и осознание им социальных явлений путем присвоения особых символов всему то-

му, что он познает в процессе своей жизнедеятельности. Идеология предоставляет индивиду определенные установки и оценки, которые формируют представление о том, как ему предстоит жить и действовать. Эти символы, представления и формы поведения, будучи производными от культуры, составляют весомую часть ее общей символической системы.

Вместе с этим идеология побуждает человека действовать согласно своим представлениям или оценкам, будучи при этом лояльным членом политической группы, стремящейся к реализации конкретных социальных целей. Вот почему идеология способствует закреплению определенных ценностей благодаря ориентации индивидов на харизматическое лидерство, когда необходимого поведения удастся достичь за счет силы авторитета лидера, его личного примера. Поэтому «идеологии психологически важны, поскольку без них люди не в состоянии знать, оценивать или реагировать на значительную часть того, что предьявляет им безграничный мир социальных отношений. Идеология упрощает реальность, слишком огромную и сложную, чтобы ее можно было осмыслить, оценить и взаимодействовать с ней исключительно научным, объективным или любым другим беспристрастным способом» [17, с. 82].

В силу этого качество институциональных изменений ставится в зависимость от способности общества формировать внутренние ценностные ориентации деятельности человека, определенные способы его мышления и поведения. Поэтому реформы должны, в первую очередь, направляться на повышение качества образования и воспитания в человеке потребности в саморазвитии и постоянном повышении культурного и интеллектуального уровней, идеологически настраивать на социальное взаимодействие и добровольную сплоченность вокруг ценностей культуры.

Как свидетельствует мировой опыт, отдельные народы выходили за пределы собственных архетипов за счет новых лидеров и новых стереотипов, преодолевая при этом экономическую отсталость и развивая новые демократические общества. Об этом, собственно, и говорил М. Олсон, который в предисловии к русскому изданию «Величия и упадка народов» отметил: «Будущее постсоветского общества не зависит фатально от его истории или от чего-то другого. Если люди в новом демократическом обществе достаточно хорошо осознают ситуацию, в которой они оказались,

«экономическое чудо» может произойти также и в их стране» [18, с. 11].

Литература

1. Агапова И. И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И. И. Агапова. – М. : Юрист, 2002. – 190 с.
2. Hayek F. A. Individualism and Economic Order / F. A. Hayek. – Chicago: University of Chicago Press, 1948. С214 p.
3. Lachmann L.M. Methodological Individualism and the Market Economy/ L.M. Lachmann // Roads to Freedom: Essays in Honor of Friedrich A. Hayek. – London: Routledge & Kegan Paul.- 284 p.
4. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест: пер. с англ. / М. Ротбард. – М.: Новое издательство, 2009. – 398 с.
5. Shackle G. L. S. Epistemics and Economics: A Critique of Economic Doctrines / G. L. S. Shackle. – Transaction Publishers, January 1, 1991. – 495 p.
6. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики: пер. с фр. под науч. ред. Н. А. Макашевой / Ж. К. Сапир. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
7. North D. Structure and Change in Economic History / D. North. – N.Y : W. W. Norton & Company Inc., 1981. – 214 p.
8. Хайнц А. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса/ А. Хайнц // Русский гуманитарный интернет университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа [www/ URL: http:// I-U. RU](http://www.i-u.ru). –24.12.2010. – Загл. с экрана.
9. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс // Пер. с англ. Л. А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. – 1993. – вып. 2. – С. 94-122.
11. Осипов Ю. М. Опыт философии хозяйства / Ю. М. Осипов. – М.: Изд.-во МГУ, 1990. – 382 с.
12. Ходжсон Дж. Привычки правила и экономическое поведение / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2000. – №1. – С.39– 55.
13. Клейнер Б. Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» / Б. Клейнер // Российский журнал менеджмента. –№1, т. 4. – 2006. – С.113 –122.
14. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Наука, 1999.– 480 с.
15. North D. Structure and Change in Econom-

ic History / D. North. – N.Y : W. W. Norton & Company Inc., 1981. – 214 p.

16. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.

17. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Краткое прочтение: пер. с англ. Н. С. Брагиной / Д. Харви. – М.: Поколение, 2007. –

288 с.

18. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / М. Олсон. – Новосибирск: ЭКОР 1998. – 397 с.

Статья поступила в редакцию 06.12.2012

Е.В. ШЕРГЕЛАШВИЛИ,

Донецкий национальный технический университет

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ПРИСВОЕНИЯ КАК ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам отношений присвоения. В статье обосновывается фундаментальное положение, согласно которому развитие отношений присвоения должно осуществляться по направлениям снятия форм отчуждения. Для развития данного положения обосновывается необходимость разграничения понятий «форма присвоения» и «форма собственности». Форма присвоения обосновывается как общесистемная сущность всей совокупности отношений общественного производства, как внутренняя форма общества, как гносеологическая основа и методологический принцип институционализации экономического развития.

Ключевые слова: форма присвоения, форма собственности, частная собственность, отчуждение, институционализация, власть.

Трансформация постсоветских республик выдвинула на передний край проблему собственности, и в особенности частной собственности, введение которой привело к радикальным изменениям в социальной структуре общества, крайнему обострению всех форм отчуждения. В современном обществе с его возрастающими тенденциями к дегуманизации практически всех сфер жизни – социальной, политической и идеологической проблема отчуждения вновь обретает новый виток своего развития. По своей сложности и неоднозначности проблема отчуждения относится к числу фундаментальных в истории развития философской мысли. Она очерчивает ряд тем, связанных с «выживанием» человека в условиях дальнейшего усиления техногенных факторов, в ситуации тотального отчуждения че-

ловека от природы, общества и самого себя.

Упадок, дегуманизацию, явления массовости и стандартизации, в котором окажется современное общество, предсказывали мыслители самых различных философских и политических взглядов (Х. Ортега-и-Гассет [1], Ж.-П. Сартр [2], Э. Фромм [3]). Подобная критика современного общества и идентичный диагноз его духовной болезни выявляется в трудах Л. Мэмфорда [4], Г. Маркузе (тема «одиноким толпы», «одномерного человека») [5]. Проблема отчуждения в той или иной мере раскрывалась как представителями экзистенциализма (М. Хайдеггер [6], К. Ясперс [7]), так и в работах западных социологов (Г. Зиммель [8], Р. Мертон [9]). Тем не менее, среди всех перечисленных и других мыслителей, в частности, постсоветских и советских философов (Н.И. Лапин [10], Т.И. Ойзерман [11], Д.И. Розенберг [12], И.С. Нарский [13] и многие др., которые прояснили заключенный в работах Маркса смысл отчуждения, развили некоторые аспекты проблемы отчуждения, но одновременно, в силу господствующей ортодоксальной идеологии, некритически подошли к роли государственной собственности в преодолении отчуждения), несмотря на всю значимость их работ, концепция Маркса по проблеме отчуждения, представленная в рукописях, выделяется глубиной, системностью и потенциальным богатством. Именно поэтому работы Маркса явились и являются источником для новых и новых научных направлений, теорий. В этой связи уместно привести высказывание Э.В. Ильенкова: ««Капитал» Маркса по сей день остается непревзойденным образцом сознательного применения диалектики

© Е.В. Шергелашвили, 2012

.....
<http://www.donntu.edu.ua> / «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/